

ЕЛЕНА РАХМАНИНА

ДОЧЬ МЕНТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Рахманина

Дочь мента

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67301975

SelfPub; 2022

Аннотация

Ульяна – девочка из образцово-показательной семьи, и всем окружающим кажется, что её холят, лелеют и любят. Богдан – переступил закон, испачкав руки кровью, чтобы заплатить по чужим долгам.

Но мало кто знает, что она заложница в собственной семье без права голоса, где слово её отца – закон, а он – защищал близких ему людей. Их жизнь разделена на черное и белое, где он – преступник, а она – всего лишь... дочь мента.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
1. Ульяна	8
2. Богдан	16
3. Ульяна	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Рахманина

Дочь мента

Пролог

Москва. Настоящее время.

Устало потираю глаза, закончив набирать текст на компьютере, линзы после многочасовой работы, кажется, готовы вот-вот прилипнуть к внутренней стороне век и буквально раздирают роговицу. Поспать бы, да работы так много, что мне остаётся лишь мечтать о том, как вечером я доберусь до своей подушки и усну. Муж, смотрящий на меня, как щенок лабрадора, постоянно твердит о детях, а я в ужасе представляю свою жизнь, лишённую последних крупниц сна, и втайне от него принимаю противозачаточные.

Распечатав документы для предстоящего допроса, складываю их, не скрепив в папку с делом, и, прижимая её к груди, изучаю своё отражение в зеркале. Лицо бледное, заострившееся из-за излишней худобы: работы так много, что порой у меня не хватает времени на перекус, что уж говорить о нормальном питании. Синяки под глазами, вызванные моим пятичасовым сном, свежести не прибавляют, да и голубая рубашка с погонами, украшающими мои плечи, никак не скрашивали облик, звездочки лишь вызывали ехид-

ную улыбку – недавно меня повысили в звании и дали новую должность, а с ними забрали всё свободное время. Если бы коллеги, ранее занимавшие моё новое место, не сбежали, не справившись с напряжением, объёмом и сложностью, возможно, моё настроение было бы чуть лучше.

Пусть работа у меня и новая, но старые дела, скопившееся еще до моего перевода, кроме меня разгрести было некому. Я держала в руках очередное дело, которое мне необходимо довести до суда, но на пути к правосудию несомненно столкнусь с препятствиями, но справиться с ними мне скорее всего не помогут ни законы, ни погоны. Каждый раз расследуя преступления с минимальными шансами к раскрытию, я даю себе зарок, что это последнее, что я веду в органах, а потом непременно уйду на покой и устроюсь на любую другую работу, где из меня никто не будет пить кровь и сматывать нервы в клубок.

Следую по коридорам управления на автопилоте, встречая знакомые лица, киваю и иду дальше. Иногда кажется, что запас моих сил совсем на исходе, ещё чуть-чуть, и я просто хлопнусь в обморок, тут же прогоняю эти думы, понимая, что сама выбрала для себя такую жизнь.

С одной стороны, я испытывала дикий азарт, когда удавалось довести дело до конца, с другой, с каждым очередным годом работы в полиции у меня создавалось ощущение, что от моих действий ничего не зависит. Сильный всё равно останется на свободе, а слабого уберут.

Перед входом в кабинет начальника управления отмечаю, что спиной ко мне стоит мужчина, и что-то в его облике мне кажется смутно знакомым. Он ведёт диалог с адвокатом, с которым я имела неудовольствие пересекаться ранее, и когда тот замечает моё приближение, его собеседник оборачивается ко мне, а мои пальцы конвульсивно разжимаются и папка с делом, которую я, казалось, так крепко держала секунду назад, падает на пол, рассыпая в хаотичном порядке листы прямо под их ноги.

– Что же Вы, Ульяна Владиславовна, документы разбрасываете, – раздаётся голос Богдана, отдавая болью по моим натянутым от напряжения нервам. Он подтягивает свои идеально сидящие брюки, облепляющие его спортивные ноги, и присаживается на корточки, помогая мне собирать бумажные листы. Я не в силах взглянуть ему в лицо, вообще ничего не вижу, всё плывет перед глазами, мои руки позорно дрожат, тремор не даёт ухватиться за лист и вложить его обратно в папку.

– Что ты тут делаешь? – задаю вопрос, и кажется, мой голос дрожит не меньше.

Тянусь к очередному листу, но он только мнётся, и я уже в отчаянии думаю о том, чтобы просто собрать этот ворох листов в одну кучу, когда Богдан сжимает мою кисть, останавливая дрожь, из-за чего я вынуждена взглянуть в глаза человека, которого по моей вине приговорили к пятнадцати годам лишения свободы.

Часть

I

1. Ульяна

*Около двенадцати лет назад
город N, европейская часть России*

Спешу домой, быстрыми шагами перебирая дорогу, укутанная, словно матрёшка, в многослойную одежду, с натянутым до самых глаз шарфом. Пары закончились поздно, голова от вложенной в неё преподавателями информации просто трещала, но надо было ещё подготовиться к завтрашним семинарам, только для начала согреться и поужинать.

Из-за шума ветра, шапки и капюшона, накинутого на голову, не услышала шаги позади себя, поэтому толчок в спину стал для меня неожиданностью. Первая мысль: дурацкая шутка кого-то из знакомых. Но когда на асфальт полетела моя вязаная шапочка, а с плеча сорвали сумку, стало очевидно, что скоро мне придётся познакомиться на деле с несколькими статьями Уголовного кодекса, которые я бы предпочла оставить в границах подготовки к экзаменам.

Подняла быстро шапку, прижала к груди, обзревая совсем незнакомые лица, ощущая, как тревожно, словно у испуганного зайца, бьётся внутри моё сердце. Они окружили меня, и я, не смея двинуться с места, верчу головой. Двор освещает тусклый свет фонаря и ни единой живой души рядом, только свист ветра и жалящие кожу снежинки.

– Смотрите, какой снеговик нам достался, – рассматривая

меня, обращается к своим товарищам тощей как жердь парень, очевидно имея в виду меня, и принимается рыться в моей несчастной сумке. В ней только половинка шоколадки, сосиска в тесте, шкурка от банана, бальзам для губ и сто рублей на дорожку – одним словом поживиться им нечем, да и не выгляжу я как девушка, у которой можно что-то украсть.

– Что вам от меня надо? – спрашиваю, думая, когда будет уместно сказать, что мой папа – подполковник милиции и, если он узнает об их обращении с его дражайшей доченькой, разорвёт на куски. Если не посчитает, что я сама в этом виновата, конечно.

Кто-то пинает меня, и я, теряя равновесие, падаю прямо к ногам Жерди, чувствуя, как к глазам подбираются слёзы. Пуховик длинный, тяжёлый, я путаюсь в нём при попытке встать, но подо мной лёд, и я просто плюхаюсь на задницу, когда в очередной раз неудачно пробую подняться. Несмотря на мороз, на лбу выступает испарина, меня пробирает жар от страха, а холодный лёд и снег под пальцами царапают ладони.

– В сумке у тебя ничего интересного нет, – неожиданно помогая подняться, дёргая за капюшон пуховика, признаёт Жердь, понуждая меня взяться за впившийся в горло ворот, – может, под пуховичком найдём что-то. Согреемся сами и тебя согреем.

Я в ужасе отшатываюсь от него, распахивая широко глаза, не веря, что ситуация может принять настолько опасный

оборот.

– Мой папа... мой папа... – бормочу я от страха себе под нос, они даже не слышат мой лепет, пока Жердь продолжает унижать меня описанием своих планов. Он озвучивает очередную похабную шутку, которая кажется очень смешной его друзьям, и они все вместе начинают смеяться, и этот звук куда больше похож на бляенье ослиного стада. Их оскорбления меня не задевают, я судорожно думаю лишь о том, как бы убраться сейчас отсюда.

– Что здесь происходит? – слышу мужской голос, обращаясь на его звучание в надежде на спасение. Мужчина стоит в тени от света фонаря, и единственное, что я могу разглядеть, это высокую широкоплечую фигуру. Надежда расцветает во мне буйным цветом, когда я вижу, как один из парней натывается прямо на мощный кулак спасителя. Не думая, что делаю, я дёргаю из рук Жерди свою сумку, получая в ответ кулаком по губам, и от шока замираю, чувствуя во рту привкус разливающейся крови и пульсацию боли. Смотрю не мигая на падающие на снег капли моей крови и в ужасе представляю, как буду объясняться отцу. Он просто больше никогда не выпустит меня из дома.

Я была так поглощена видом кровавых пятен, пачкающих белоснежный покров, что даже не заметила, как Жердь и все остальные смылись, оставив от себя только следы ботинок на снегу.

– Эй, с тобой всё в порядке? – кажется, именно ко мне

обращается парень, подходя ближе, его капюшон закрывает лицо, и мне становится не по себе. Я пачусь, чувствуя, как наступаю сапогом на мягкую ткань своей сумки. Молодой человек попадает в зону освещения фонаря и, снимая капюшон, даёт разглядеть знакомые черты, затаившись, как зверь на охоте, понимая, что трусливый заяц может вот-вот дать дёру.

Резко вдыхаю морозный воздух, не ожидая увидеть здесь это лицо. Мышцы, находящиеся до этого в напряжении, мгновенно расслабляются, и страх потихоньку начинает меня отпускать, пульс успокаивается, а надрывное дыхание больше не рвет легкие.

Красивый он все же – в который раз убеждаюсь я, чувствуя, как до этого бившееся о ребра сердце, замирает в груди, как и сотни раз, когда имела возможность лицезреть его в университете, пока мы там изредка пересекались, я на первом курсе, он – на последнем.

Я мотаю головой, не в силах что-то ответить. Богдан странно смотрит на кровь, капающую с моего подбородка, словно не понимает, откуда она, и я прижимаю ладонь ко рту, испытывая свою вину за всё случившееся. По мере того как до него доходит, что меня ударили, его лицо меняется, губы сжимаются в тонкую линию, а в глазах полыхает такая ярость, что я вновь испытываю страх. Но теперь он его источник. Вижу, как Богдан берёт себя в руки и быстрее меня соображает скомкать снег и тут же прикладывает к моему

рту.

– Больно? – он спрашивает, а я сейчас испытываю не боль, а замешательство, потому что Богдан совсем не такой, каким я его запомнила. Таких, как он, называют душой компании, весёлый парень, от улыбки которого у проходящих мимо девушек в животе начинают порхать бабочки. Сейчас его серые глаза словно переполнены темнотой, лишённые и малой толики того света, что был в них раньше. Казалось, за те годы, что я его не видела, он приобрёл опыт куда больший, чем полагается в силу его возраста и образования, и я невольно задаюсь вопросом, что на него так повлияло.

Замечаю, как на мой светлый пуховик попадает кровь. Чёрт, это самый ужасный вечер в моей жизни! В голове возникают тысячи вариаций оправданий, смешанных с ложью, потому что сказать, что на меня совершили нападение, я никак не могу, иначе начнётся такое... нет, только не это! Я бросаю комок снега и леплю новый, черпая его из сугроба, но теперь чтобы отмыть пуховик, забывая про лицо. Не знаю, о чём сейчас думает Богдан, должно быть, решил, что я спятила, но он просто не понимает, что ждёт меня дома: тысячи нотаций, запретов, обвинений и никакой свободы.

– Эй, успокойся, что ты делаешь? – положив ладонь мне на плечо, видя, как я нервно оттираю пуховик, спрашивает он, хмуря брови, а я не понимаю, как ему объяснить, что если мачеха это увидит, то не преминет донести на меня отцу.

Я всё ещё лелею в себе надежду, что синяка не будет и всё наладится. Не так сильно меня сейчас заботит миновавшая угроза изнасилования и кражи сумки, как реакция собственного отца.

– Надо отмыть пуховик, не хочу расстраивать родителей, – вру, не глядя ему в глаза, но отчего-то кажется, что ему не нужно смотреть на меня, чтобы почуять запах лжи.

– Я живу в соседнем доме, давай там помоем, не думаю, что снег тебе поможет вывести кровь.

Поднимаю к нему взгляд, не понимая, с чего вдруг ему помогать девчонке, которую он даже не смог вспомнить, но его предложение звучит слишком заманчиво, а других вариантов у меня нет, поэтому я всё же киваю. Прежде чем последовать за ним, я воровато оглядываюсь, боясь, что меня заметят вместе с ним, но скрип снега слышу лишь вдали. Нужно поспешить, приду домой позже «комендантского часа» – начнут досматривать пуще обычного, и моя разбитая губа точно будет замечена, а завтра я уж что-нибудь да придумаю.

Меня почему-то удивляет, что он живёт один. В квартире по-спартански аскетично, ничего лишнего, даже пыли на полках нет, отчего мне вдруг становится стыдно за свою комнату.

Богдан забирает из моих сжатых пальцев шапку, которую я цепко держала, забыв про неё от стресса, затем, внимательно изучая моё лицо, разматывает длинный шарф и, расстёгивая пуговицы на пуховике, тянет собачку молнии, помо-

гая мне снять верхнюю одежду. Я не сразу понимаю, что это выглядит странно, словно я маленький ребёнок, а меня раздевает папа после того, как мы вернулись из парка, покатавшись на санках. Правда, у меня подобного никогда не было, но я думаю, что в нормальных семьях примерно так отцы и ведут себя.

– Иди в ванную комнату, найдёшь там пятновыводитель, я сейчас подойду.

Следую его команде и довольно быстро избавляюсь от следов крови, правда, на пуховике остаются белёсые разводы, но это не страшно.

Возвращаясь, Богдан обнаруживает меня сидящей на бортике ванны и передаёт мне пакет со льдом, который я тут же прикладываю к губе.

– Дай глянуть, – он приподнимает мой подбородок, и моя рука, сжимающая лёд, медленно сползает. Скуратов, изучая ранку, немного тянет за кожу подбородка так, что нижняя губа оттопыривается. Мне ужасно неловко оттого, что он касается меня вот так, но в то же время я вся напрягаюсь, замираю, прислушиваясь к собственным ощущениям, и, когда он встречается с моим взглядом, я понимаю, что Богдан может прочесть в моих глазах все эмоции девчонки, которая вдруг в реальности столкнулась с объектом своих грёз. Щёки тут же наливаются румянцем, и я опускаю веки, успевая заметить улыбку на его губах.

– Вроде ничего страшного, – убирая руку, резюмирует он,

возвращая к ране лёд, про который я уже забыла, и отступает назад к дверному проёму небольшой ванной. Но я-то успела рассмотреть себя в зеркале, пока умывалась, и он явно врёт – губа распухла, разве что синяк не проявлялся пока, но ещё не вечер.

Пожимаю плечами, делая вид, что верю.

Богдан молча проводил меня почти до самого подъезда, но я попрощалась с ним на таком расстоянии, чтобы никто из домочадцев не обнаружил нас из окна.

Мне несказанно повезло. Отец, как и ожидалось, задерживался на работе, сводная сестра, которой дозволялось всё, в отличие от меня, осталась у друзей, ну а Татьяна Михайловна – жена моего отца – сегодня, похоже, слишком погружена в собственные проблемы, чтобы обратить на меня внимание.

Медленно выдыхаю, успокаиваясь, теперь понимая, что излишне накрутила себя. Но я лучше всех знаю, что случилось бы при развитии самого плохого из вариантов, которые были в моей голове.

2.Богдан

Неделей ранее

– Узнал о ней что-нибудь? – спрашиваю у боевого товарища, когда тот подходит к моей машине, пока я курю, выпуская изо рта дым и облака пара, образующегося на зимнем воздухе.

Серёга потирает себя по плечам, недовольный заморозками, обрушившимися в этом декабре на город N. Я и сам не рад, ненавижу холод, но, в отличие от друга, пока не обращаю на него внимания, погружённый в собственные совсем не светлые думы.

– По-твоему, о таких, как она, пишут заметки в газетах? – язвит Шелягин, но, ловя мой раздражённый взгляд, переходит к делу. – Я тут одному местному мажору ствол загнал, он для меня кое-что разузнал, негусто, правда, девчонка не особо светится, хотя отличница. Зуб даю, эта фифа никогда не общалась с таким, как ты.

На последних словах он толкает меня плечом, только неясно, по его мнению, мой новый статус для неё плюс или минус.

Друзья детства и университетские приятели теперь были слишком далеки от новых реалий моей жизни, я оборвал с ними все контакты и не выходил на связь, несмотря на их многочисленные попытки. Шелягин стал моим другом за по-

следние годы, хотя, сложились обстоятельства иначе, наши пути с ним никогда не пересеклись бы. Ему неизвестен тот период моей жизни, когда я был лидером группы и шёл на красный диплом среди лучших выпускников того самого вуза, около которого мы сейчас выслеживали мою будущую «жертву». Скажи ему я, что имею высшее юридическое образование – он рассмеется.

Для него и для всего моего нового окружения я являл собой незыблемый авторитет, человека без тормозов и правил, способного пустить пулю меж глаз за обман и предательство, разобравшись с самым грязным и мокрым делом. Мне не хотелось, чтобы кто-то совал нос в моё прошлое, а разговаривать на эту тему и вовсе не доставляло мне никакой радости. О том, как я попал в эту среду, знали единицы, и я предпочитал не распространяться на острую для меня тему.

– Как она хоть выглядит? – задаю вопрос, рассматривая красивых девушек в шубках, что, проходя мимо, кокетливо улыбаются, строя мне глазки. Юные, свежие, недалёкие и совершенно для меня не интересные.

– А сейчас увидишь, у неё закончилась последняя пара.

Спустя пару минут ворох студентов вырывается через кованые ворота, радуясь свободе после целого дня в университете, и я пытаюсь определить, какая из этих девчонок ключик на волю для моего непутёвого младшего братца. Замечаю ярко одетую смешную студентку в розовой вязаной шапочке и огромном пуховике. Её непосредственный вид и

большие карие глаза сразу вызывают ассоциацию с персонажем из мультфильма о маленьком оленёнке Бэмби, рождая на губах мимолётную улыбку. Мой взгляд перемещается на других девушек, пока Серый не ударяет локтем в бок, должно быть обнаружив Евстигнееву.

– Вон она, – указывает как раз на девушку в розовом, и я, чувствуя, что из-за неё у меня будет куча проблем, недовольно морщусь, изучая её внимательнее, пока она с друзьями проходит мимо, не глядя в нашу сторону.

– Чёрт, – произношу свою мысль вслух.

– Что, не в твоём вкусе тёлочка?

– Заткнись, – смотрю на розовое облако, проплывшее мимо, думая о том, что ни к чертям мне не сдалось, чтобы эта девчонка в меня влюбилась. И одновременно испытываю отвращение к себе оттого, что я собираюсь с её помощью провернуть, но пока иного выбора не вижу.

Я сам придумал тот мерзкий план, в котором я должен предстать перед ней спасителем и защитником, ну какая девушка сможет устоять?

Только вот не все родной язык хорошо понимают: предупредил же Саню, чтобы напугали её, но не трогали, однако этот дебил не смог исполнить даже простейшее поручение.

Увидев разбитую губу Бэмби и страх в её доверчивых глазах, мной овладело такое дикое желание его убить, что девочка, прочитав эти эмоции на моем лице, отшатнулась, приняв, должно быть, мой гнев на свой счёт.

Когда на следующий день после происшествия мы с ним встретились, первое, что я сделал, – это пригвоздил его к холодной земле, вдавливая его тупую рожу в грязный снег.

– Я тебе, недоумок, говорил её трогать? – спрашиваю сквозь зубы, испытывая ту же чёрную злобу, что и вчера. Она не утихла, она просто притаилась, замерла, дожидаясь, когда я выпущу ее наружу.

Раньше я не был таким, буквально несколько лет назад подобного рода эмоции легко гасли во мне, не успев проснуться, но после того, как мои руки впервые испачкались кровью, всё изменилось. Я изменился, и осознание того, что уже никогда ничего не будет так, как прежде, приносило чувство глубокой потери, словно я утратил часть себя, но взамен получил новую сущность: тёмную, чужую и совершенно мне не знакомую. Порой я смотрел в зеркало и не узнавал себя, то же тело, то же лицо, но уже другой человек.

Саня стонет оттого, что лед дерёт щеку, а мне плевать, чужая боль мне давно безразлична. Ярость, родившаяся в груди, закручивается во мне воронкой, становясь всё сильнее и опаснее, поглощая меня полностью, и, перевернув его лицом к себе, я проехался по челюсти, сбивая о его тощий череп кулак.

Серый настойчиво кладёт руку мне на плечо, сжимая:

– Богдан, прекрати, чего ты на него взъелся!

Страхиваю руку друга, но встаю, оставляя Санька лежать на земле, наблюдая, как он медленно пытается собрать с неё свои тощие мощи.

Мой взгляд тяжёлый, мрачный, и он, видя, как я смотрю на него, отползает назад и, только оказавшись от меня на некотором расстоянии, поднимается на ноги и пятясь уходит, шепча себе под нос слова извинения.

– Что, чёрт возьми, на тебя нашло? – спрашивает Серёга, пока мы возвращаемся к моей машине, а я сам не знаю, что ответить. Была ли причиной только девчонка, или мне просто требовалось выпустить пар оттого, что предстояло с ней сделать. Не знаю.

Запускаю пятерню в волосы, вспоминая недавнюю встречу с братом в СИЗО, и пальцы сами собой сжимаются. Глеб младше меня, не сильно – на какие-то три года, но для меня он так и остался ребёнком, глупым, несмышлёным, и я должен был позаботиться о нём, но не смог, не справился. Я думал, что всем обеспечиваю семью. Тех денег, что я приносил домой, казалось достаточно, чтобы они ни в чем не нуждались, пусть это пока и не прежний уровень жизни, когда отец-бизнесмен, стоя во главе компании, был жив и здоров, но, чёрт возьми, необходимости заниматься торговлей наркотой точно не имелось.

Поначалу, когда я только узнал о его аресте, думал, что это

всё не настолько серьёзно, что в конце концов его отпустят. Но, разобравшись в ситуации, выяснилось, что содержимое его рюкзака разительно отличалось от того, каким должно было быть у студента-медика. Вместо книг в них нашлись пакеты с героином в таком размере, чтобы ближайшие пятнадцать лет он видел небо только в клеточку.

– Брат, это всё опер тот, он меня подставил, подложил наркоту, – уверял Глеб, а я смотрел в его полные слез глаза и никак не мог понять, врёт он или правду говорит. – Помоги, я сдохну здесь, руки на себя наложу, не смогу я так жить, не смогу!

К концу нашей встречи, когда мне нужно было уходить, у брата началась форменная истерика, он рыдал, заверяя меня, что если я его там оставлю, то он умрёт. Его вид рвал мне душу, и хотя все улики и были против него, но мне требовалось выяснить, что же произошло на самом деле. Но даже если окажется, что он попался, нарушив закон, мой долг, как брата, вытащить его. Чувство собственной вины за его преступление довлело надо мной. Последние годы мне было не до душевных проблем брата или всех остальных членов семьи, я обеспечивал их, но в глаза смотреть не мог.

Мать молчала, не задавая вопросов о том, почему я свел к минимуму общение с ними и перестал приходить в отчий дом, почему бросил практику в адвокатском образовании. Я подозревал, что причина заключалась в том, что ей и так всё отлично известно, как, должно быть, было известно и о

настоящем «бизнесе» её супруга – Льва Скуратова.

Осознавая тот факт, что она в обмен на собственное благополучие закрывала глаза на деятельность моего отца, а теперь и на способ выживания сына, я испытывал чувство, отдалённо похожее на отвращение. К ней, к себе, к отцу. Ей было слишком удобно так жить, в этом собственноручно возведённом иллюзорном мире, где ничего не изменилось: золотые побрякушки по-прежнему украшали по-девичьи тонкую шейку, а перед давними подружками удавалось продолжать изображать успешную мать семейства, живущую в загородном доме на деньги погибшего в аварии супруга.

Мне наивно казалось, что мать должна была бы броситься на колени и умолять меня уйти из криминала, не пятнать себя, своё имя и будущее, но она об этом даже не помышляла, зная, что расплачиваться за её красивую жизнь в любом случае кому-то придётся, и отдать на растерзание меня – меньшее из зол.

Брата поймали вместе с целой цепочкой наркокурьеров, потому что все, как один, сдавали друг друга, пока акула всё равно осталась плавать в океане, в то время как маленьких глупых рыбок разом выловили сетью.

Учитывая способ собственного заработка, я не вправе винить его в том, что он стал заложником искушения лёгкими деньгами. Отличие заключалось в том, что я не имел выбора, а у него он был, и этот выбор ему обеспечил я. Мне хотелось, чтобы его не коснулась вся эта грязь, в которой я жил

последние годы, а он сам в неё окунулся по уши.

Шёл к Евстигнеевой после того, как мой кулак «обласкал» физиономию этого идиота, с мыслью о том, что нужно расположить её к своей персоне, вспоминая, как себя вести с подобными ей. Я давно не общался с нормальными девушками, считая, что не вправе втягивать их в свою жизнь, а те особы, что сами искали моего общества, находясь со мной в одной компании, вовсе не нуждались в каких-то дополнительных телодвижениях с моей стороны.

Моя маленькая гостья, по удачному для меня стечению обстоятельств, потеряла в моей квартире тонкий золотой браслет, украшенный маленьким сердечком. Признаться, находку я обнаружил, ещё когда она находилась у меня, должно быть, украшение порвалось, пока девушка яростно пыталась отмыть от крови свою одежду. Но когда я взял в руки побрякушку, стало очевидно, что более удобного повода увидеть её вновь и не выглядеть при этом сталкером мне не подвернётся.

Она стояла во дворе основного корпуса юридического факультета, ожидая, пока её друзья докурят. Студенты что-то обсуждали, смеялись, а Бэмби сжимала губы, хотя они всю стремились растянуться в улыбке, но, должно быть, это вызывало сильную боль из-за раны. Вид у неё был слишком неинтересный, невинные карие глаза лучились светом и теплом, поэтому мне вовсе не хотелось втягивать её в свою

жизнь, которая была больше похожа на мазут, такая же тёмная, густая и вязкая: окунешься однажды – и уже не отмоешься никогда. Таким, как она, нужно держаться как можно дальше от парней похожих на меня.

Мне не нравились хорошие девочки, эта тоже не являлась исключением.

Преодолев внутреннее сопротивление, я направился в её сторону, и когда она заметила моё приближение, сначала словно оцепенела, не поверив собственным глазам, а затем в них разлилась тревога. Только вот я не понял, что же вызывало страх, чего она так опасается.

Ещё вчера её поведение мне показалось странным, но я списал всё на шок и стресс, наблюдая за тем, как она яростно оттирала свой пуховик, словно её готовы были дома убить, узнав о случившемся, а не успокаивать после нападения. Всё это наводило меня на недобрые мысли о её благочестивом семействе.

– Привет, – здороваюсь со всеми, а в глаза смотрю только ей. Она смущается, а сообразительные одноклассники сначала с интересом рассматривают меня, а затем потихоньку ретируются, но далеко не уходят, наблюдая за нами неподалеку.

– Привет, – отвечает она и быстро отводит глаза в сторону своей компании, ища у них поддержку, но те отворачиваются, делая вид, будто не замечают её намеков. Затем она судорожным взглядом осматривает двор, словно в поисках

угрозы, и, должно быть не обнаружив таковой, она немного расслабляется и возвращает взор ко мне.

– Как твой рот? – задаю вопрос с места в карьер, и предмет разговора складывается в букву «о». Я смотрю на её припухшие губы в форме сердечка, и в голову молнией врзается мысль попробовать их, понять, насколько Бэмби невинна, чтобы разрушить её чистоту своим прикосновением, забрав частичку её света, отдав ей немного своей крошечной тьмы.

– Заживает, – осторожно отвечает она, неумело скрывая смущение, и я понимаю, что с ней будет куда сложнее, чем мне хотелось бы. Она словно выстраивает стену между нами, стараясь отгородиться от меня, спрятаться за ней, но вместе с тем я вижу, как она смотрит на меня. Будто ей и хочется, и колется попробовать запретный плод, которым я, к своему удивлению, оказался для неё.

Интересуюсь у Бэмби временем окончания занятий, предлагая проводить вечером, но Бэмби отказывается, ссылаясь на то, что уже договорилась встретиться с друзьями после университета.

Её лож настолько не искусна, что выводить девчонку на чистую воду и узнавать истинные причины отказа желания не возникает. Я бы никогда к ней и не подошёл, если бы мне не требовалось от неё кое-что получить взамен на собственное общество.

Лишь когда мы попрощались, я вспомнил, что так и не вернул ей браслет, продолжая сжимать его в кулаке.

3. Ульяна

Другая на моем месте непременно обрадовалась бы появлению на своём горизонте красивого парня, у меня же дыхание сбивается, а мозг вновь просчитывает развитие всех событий, которые могут последовать вслед за этой встречей. А они непременно последуют, если моя сводная сестра станет тому свидетелем. Я с трудом останавливаю свой судорожный взгляд, скачущий с одного лица на другое, в страхе найти среди них злорадную физиономию Виктории, когда Богдан оказывается от меня на расстоянии вытянутой руки. В глазах этого парня есть нечто такое, что заставляет меня на короткое мгновение забыть обо всём и обо всех, перемещая мой фокус на себя, а нас – в иную реальность, в которой в этом запорошенном снегом дворе университета только мы вдвоём.

Рассматривать его в лучах солнечного света – то ещё испытание, но суть даже не в его внешней привлекательности, стати и спортивной фигуре атлета, принесшего области разноранговые медали за участие в соревнованиях по боксу в тяжёлом весе и стрельбе. Мне почему-то всегда казалось, что в нём пряталось нечто большее, чем красивая внешняя оболочка.

Когда я впервые увидела его, понимала, что никоим образом не смогу попасть в поле его зрения, – вокруг него всегда

крутились шаблонные красавицы с ногами от ушей, мои-то росли из попы, поэтому мои котировки рядом с его мимолетными избранницами скатывались в зеро. Но, к собственному удивлению, пару раз всё же замечала его мимолетный взгляд на себе: уверена, за ним не прятался мужской интерес, который мне бы хотелось в нём обнаружить, скорее лёгкое любопытство, тут же отпускающее его, стоило мне зайти за угол и пропасть из его видимости. Только вот сердце моё в те моменты всё равно предательски замирало, чтобы через пару секунд пуститься вскачь вместе с подводящими меня ногами, заставляющими спотыкаться на ровном месте.

Богдан смотрит в мои глаза так сосредоточенно, будто я одна из целей на его мишени и он стремится попасть точно в яблочко, и сам факт того, что именно я в данный момент обласкана его вниманием, наполняет моё сердце странным, новым чувством.

Я вовсе не считала себя гадким утенком, который раньше не имел дела с парнями. К моему собственному сожалению, это весьма далеко от истины, потому что один индивид не давал мне прохода ещё со школы и отваживал всех мальчишек от меня.

Общение с тем, кого отец называет моим женихом, научило меня лжи, изворотливости и лицедейству. Почти всю жизнь я стремилась получить похвалу отца и шла на любые уловки, чтобы бы угодить ему, а это возможно лишь при том условии, что я буду с Игорем.

Мне было невдомёк, что такого он во мне нашёл, потому что я всегда считала, что я совершенно обыкновенная, среднестатистическая девушка: я не красавица, всего лишь симпатичная девчонка, я не обладаю особенной харизмой и не притягиваю взгляды, меня сложно выделить из толпы, но, на мою беду, Игорь упорно считал, что я должна быть его.

Несмотря на моё абсолютное к нему равнодушие, он никак не мог переключить своё внимание на любую другую девушку, впрочем, речь шла лишь о серьёзных отношениях. О том, что он развлекается на стороне, я была прекрасно осведомлена, только вот это меня нисколько не волновало, наоборот, вселяло веру в то, что когда-нибудь он от меня отстанет. Игорь же пытался намеренно разжечь мою ревность, рассказывая о своих похождениях и обещая, что после женитьбы всё закончится, ведь эти милосердные девушки дают ему то, в чем имею наглость отказывать я.

Сначала я не скрывала своего равнодушия, но оно вызывало у молодого человека такой приступ агрессии, что мне пришлось найти в себе крупинцы актёрского таланта, чтобы изобразить это неизвестное для меня чувство. Чтобы лишней раз не слышать оскорбления в свой адрес, я подстраивалась под «жениха», изображая интерес к нему и его жизни, и Игоря это будто удовлетворяло, хотя я была убеждена, что он отлично понимает глубину моих чувств к нему – совершенно плоскую.

Скуратов всего парой слов выбивает почву из-под ног, а из

моей головы на мгновение вылетают мысли о том, что скоро перерыв между пар закончится и нужно возвращаться в стены универа, что где-то неподалёку стоит Вика и прожигает мне затылок злым взглядом, который я остро чувствую, и знаю, что добром мне это не аукнется.

Прежде чем попрощаться, скрепя сердце отвечаю отказом на его предложение, выдумывая нехитрую ложь. Как бы мне ни хотелось кричать «да» и прыгать от радости, но жизнь заставляет меня расставлять приоритеты. На одной чаше весов стояла мимолётная встреча с предметом собственных грёз, которая, буду с собой честна, скорее всего, станет последней. С другой – те крупницы свободы, что я отвоёвывала для себя у отца. И если за эти пару минут наедине со Скуратовым я ещё смогу как-то оправдаться, то риск быть пойманной с ним вдвоём вечером, где я не смогу прикрыться учёбой и общими знакомыми, грозит мне ужасными последствиями.

По иронии судьбы даже моим самым близким друзьям моя жизнь казалась почти безоблачной. Их логика была проста и понятна. У меня есть отец, занимающий высокий пост с множеством звёздочек на погонах, благодаря которым я могла бы особо не переживать о том, как и кем устроиться на работу в нашем городе. Обширные связи моей семьи способны открыть передо мной многие двери, но только при желании отца, который также просто мог эти двери навсегда закрыть.

А чего стоит моя замечательная мачеха. На людях ведёт

себя со мной так, словно любит меня едва ли не сильнее родной дочери, и эта самая дочь – одна из популярнейших девушек университета, вокруг которой стайками выются перспективные женихи.

Мне было слишком стыдно открывать истину, слишком нелепо звучали бы мои жалобы, ведь в сравнении со многими у меня действительно всё прекрасно...

Реальность же была такова, что я рано лишилась матери и отец подверг меня гиперопеке, вытекающей в тотальный контроль, который с каждым годом становился всё строже и жёстче.

В детстве я была спокойным и послушным ребёнком, ведь мне казалось, начни я плохо себя вести, это принесёт дополнительные страдания моему родителю, который был и без того раздавлен смертью любимой женщины, абсолютно позабыв о том, что его дочь тоже пережила тяжёлую утрату. Своим хорошим поведением я старалась всеми силами не огорчать его и в общем-то оказалась очень удобным маленьким человечком, настолько удобным, что по итогу он перестал считаться со мной и интересоваться моим мнением, даже когда я выросла.

Несколько позже я поняла, что для Владислава Евстигнеева, подполковника милиции, мнение женщины вообще ничего не значит. Для него ей было отведено место на кухне, рядом с плитой и раковиной. Учёба? Да, конечно, ведь кто возьмёт в жены дуру без высшего образования. Работа? За-

чем, ведь мне положено выйти замуж и работать будет муж, а я должна лишь скрашивать его будни и не мешаться под ногами.

Чем старше я становилась, тем сильнее во мне росло чувство протеста и непонимания, а вместе с ними – безысходности. Мои слова никак не влияли на отца, он считал, что ему лучше известно, где я должна учиться, с кем общаться и дружить, кого любить и чью фамилию носить. Наверное, я могла бы стерпеть почти всё. Отец раз из раза проверял границы дозволенного, а они оказались настолько тонкими, что он с лёгкостью их пробивал.

Но вопреки надеждам отца, я вовсе не планировала выходить замуж за Игоря. Одна мысль о близости с ним вызывала во мне безумный ужас, я просыпалась в ночи от кошмаров о том, будто мы женаты, а я беременна. Моя кожа покрывалась холодным потом от страха, что я не успею получить высшее образование и сбежать. Именно об этом я думала последнее время. Именно эта мысль грела моё сердце и успокаивала ум. Сбежать. Скрыться как можно дальше от своего отца и семейства Лебедевых.

Да, очевидно, идея бредовая, ведь с таким отцом далеко я уйти не смогу, при желании он вновь вернёт меня и просто запрёт дома. Но я-то знала, что это может быть не самым строгим наказанием из тех, что уготовит мне отец, поэтому всячески отгоняла от себя страшные мысли.

Но всё же некоторые успехи в отстаивании собственных

границ у меня имелись.

Кое-как удалось убедить отца, что дочь подполковника милиции должна учиться на юридическом факультете, а если юридический, то, конечно, самого престижного учебного заведения в регионе. Я даже не пыталась уговаривать отца отпустить меня в столицу, думаю, он чувствовал, что там потерял бы меня с концами.

Это же всего лишь учёба, заверяла я его, хотя на самом деле для меня она означала возможность найти путь к свободе.

Правда, отец видел меня в куда более подходящей, по его мнению, для девушки специальности, которой, как нам обоим было известно, я, скорее всего, и не воспользуюсь, но рассказать друзьям, что его дочка – будущий врач, отцу, несомненно, будет приятно. Он представлял меня в своих фантазиях студенткой медицинского университета и крайне разочаровался, когда я провалила вступительные экзамены на бюджет на выбранный им факультет. Дело здесь заключалось вовсе не в деньгах, а в факте того, что дочь Евстигнеева не стала лучшей. Планку во всех моих начинаниях он задавал самую высокую, и я должна была до неё добраться, если не хотела увидеть в его глазах очередное подтверждение бестолковости собственного пола.

Я находилась в настолько подавленном состоянии, доведённая до отчаяния его отношением к себе, которое резко ухудшилось после непоступления в мед, что в какой-то мо-

мент мне даже показалась здоровой мысль признаться отцу, что я намеренно провалила экзамены, и попробовать поступить на следующий год. Но всё же я вовремя одумалась, осознавая, что медицина не моё призвание.

Его недовольство дочерью было настолько явным, а испытываемое мной чувство вины – острым, что я корила себя за проявленное своеволие, и это ещё больше развязало руки отцу в целенаправленном ущемлении моей свободы.

Почти весь первый курс я пыталась доказать отцу, что он не прав и я верно выбрала для себя специальность, но мои успехи в учёбе не производили на отца какого-либо впечатления, смягчить его удалось, лишь согласившись встречаться с Игорем.

В моей голове никак не складывались мотивы и побуждения родителя, отчего он считал, что знает лучше меня, как мне жить, почему вдруг решил, что специалист из меня выйдет никудышный, чем он руководствовался, желая отдать меня замуж за Лебедева?

Со временем я начала ощущать себя его атрибутом, который лишь дополняет Владислава Евстигнеева, но не является самостоятельным существом, имеющим чувства, желания и уж тем более собственные мозги. Поэтому он не считался со мной, ведь голова не будет задаваться вопросом о том, почему рука или нога не слушается. Такого просто не может быть.

Подобное отношение к себе я воспринимала как нечто

естественное, привычное, ведь иное мне было неизвестно. Моё заблуждение развеялось после того, как отец привёл в наш дом новую жену с ребёнком от её первого брака.

Только на примере Вики я увидела, что к дочери можно относиться иначе. Нет, Маргарита Ивановна не являлась идеальной матерью, как человек она и вовсе меня пугала, а её жуткий, пропитанный непонятными для меня эмоциями взгляд побуждал едва ли не креститься. Но к Вике она относилась как к личности. Пусть глупой и поверхностной, но личности.

Когда мачеха разговаривала со мной наедине, её речь была полна стальных, по-арктически холодных нот, заставляющих меня ёжиться, но стоило нашу компанию разбавить кому-то ещё, отцу или гостю, как интонации принимали медово-елейные звучания, изливаясь патокой через край, резали мой слух своим лицемерием. А когда она говорила с Викой, то казалось, читает ей сказку на ночь, и я с завистью наблюдала эти сцены общения матери с дочерью.

Я была слишком взрослой, когда наша семья пополнилась новыми членами, и не хотела предавать память мамы попытками её заменить. Впрочем, такой вариант общения мне никто не предлагал. Мачеха отчего-то воспринимала меня как соперницу и врага. С одной стороны, меня раздражало присутствие в доме посторонних людей, с другой – отец перестал концентрировать на мне всё своё внимание и переключился на супругу. Её дочка волновала моего отца крайне мало, он

скорее не замечал её и не обращал на неё внимания, и если моя жизнь была полна разнообразных запретов, то её – дозволений.

Меня засасывает в двери университета вместе с другими студентами, которые спешат вернуться на пары, и, подбегая к аудитории, я вижу, как на меня смотрит Виктория: мне не показалось, она всё видела, и скоро меня ждёт допрос с пристрастием. Я нервно сглатываю слюну, пробираясь на первый ряд, готовясь слушать и записывать лекцию, и понимаю, что сводная сестрица, решительно расталкивая всех на своём пути, стремится ко мне.

– Откуда ты знаешь Скуратова? – первое, что она спрашивает, кидая свою сумку рядом со мной. Я заглядываю ей в глаза и понимаю, что в данный момент её интересую вовсе не я и моя оплошность, которую она могла бы красиво обработать в свою пользу, придя домой.

– Я его не знаю, – вроде и вру, но на самом деле я ведь общалась с ним второй раз в жизни.

– Ульяна, – предостерегающе произносит она моё имя, – очевидно, что Богдану ты на фиг не сдалась, он что-то обо мне спрашивал?

Моя рука, аккуратно выводящая буквы в толстой тетради

для лекций, дрогнула, размазывая чернила по листу, марая бумагу. Я сильнее сжимаю пальцы на ручке, стараясь не выдавать своего смятения. Зажмуриваюсь, зная, что сестра сейчас этого не видит за скрывавшими лицо волосами, и кусаю до боли губы, чтобы не выдать вслух своего разочарования.

– Да, – отвечаю, подняв к ней глаза и наблюдая, как её лицо проясняется. – Остальное узнай у него сама и не мешай мне больше.

Её полные губы растягиваются в ехидную и довольную улыбку, с этой секунды я потеряла для неё всякий интерес, в её светлой блондинистой голове, вероятно, назревал план захвата Скуратова.

Что же, если Богдан таким образом решил подобраться к моей сестре, разве можно его винить. Но как бы я себя в этом ни убеждала, даже несмотря на понимание того, что с ним не быть при всём желании, досада тяжёлым комом осела на дно желудка.

Признаться, для меня оказалось открытием, что между ними что-то было, но, с вместе с тем, она относилась именно к таким девушкам, которых я раньше видела рядом с ним.

В голове одна за другой возникали догадки. Была ли действительно причиной его визита ко мне Вика или что-то иное, уж никак мой пытливый ум не мог принять, что он просто пожелал увидеться со мной вновь.

Оставшиеся пары прошли мимо меня фоном, а друзья, которые засыпали вопросами, как только им представилась та-

кая возможность, лишь добавляли раздражения.

Едва выйдя из университета, наткнулась взглядом на Игоря, который стоял расставив ноги рогаткой и ждал меня. Я инстинктивно морщусь, не сумев совладать со своими эмоциями, что, конечно же, не ускользнуло от его внимания.

– Привет, конфетка, – чмокнув в щеку, здоровается, выдавывая из моих губ вежливую улыбку, после чего его пальцы сжимают моё предплечье, и я знаю, если бы не пуховик, он обязательно оставил бы на мне синяки. Сила давления его руки далеко не дружелюбная.

Игорь отчего-то зол, не знаю, в чём причина, но мне не по себе от того, как он изучающе смотрит на меня, будто я могла измениться за те счастливые пару дней, что мы не виделись. Прежде чем выйти из дома, я нанесла на лицо знатный слой корректора и надеялась, что никто не обратит внимания на припухлость в районе рта. Радовало, что ранение было по большей части со внутренней стороны рта и на губе.

Виктория в короткой шубке и мини-юбке прошествовала мимо нас, и до меня дошло, что я ошиблась. Гадина всё же успела доложить напрямую Игорю, что видела меня с молодым человеком, который не был одобрен отцом и самим Игорем. Чёртовы мобильники.

Лебедев буквально затолкал меня в свою машину, и я надеялась, что его грубости никто не увидит, испытывая стыд оттого, что со мной так обращаются. Я вся подбираюсь, сжимаюсь и мыслями, и физически, готовясь к моральной атаке,

которой он будет меня подвергать всю дорогу. В глубине души я уже смирилась, что всё пошло именно по тому плану, которого я опасалась больше всего.

– Мне кажется, ты начинаешь понимать, что тебе на хер не сдался этот грёбаный университет, – сев на место водителя и повернувшись ко мне лицом, пока я пустым взглядом уставилась в лобовое стекло, начал Игорь старую песню о главном. Из раза в раз одно и то же, стоило мне ему не угодить, как он принимался угрожать мне, что убедит отца забрать мои документы из университета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.